

исправлению. В новых изданиях даже и без серьезной переработки книга может принять вполне удовлетворительный вид. С методической стороны, мне кажется, книга много выиграла бы, если к ней была, во-первых, приложена небольшая хрестоматия из древнерусских текстов, во-вторых, справочная таблица, как читать слова тех языков, которые неизвестны студентам учительских и педагогических институтов.

Книга проф. Черных выпущена 75-тысячным тиражом, и это хорошо. Учительские институты давно нуждаются в пособии по истории русского языка, которое соединило бы в себе элементы научного языкознания и доступность изложения, обеспечивающую понимание предмета и живой интерес в нем. «Краткий очерк», по моему мнению, обе эти задачи успешно решает.

Л. А. Булаховский

Вьпроси на езикознанието в сталинско осветление. Българска Академия на Науките. Институт за български език.— София. 1951. 200 стр.

Гениальные сталинские труды по вопросам языкознания создали коренной перелом в развитии науки о языке не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В частности, лингвисты народно-демократической Болгарии, как уже сообщалось на страницах «Вопросов языкознания»¹, значительно оживили и перестроили свою работу в духе основополагающих сталинских идей, приступили к решению ряда новых важных задач, к разработке новых тем, к исследованию новых вопросов. Рецензируемый сборник представляет собою лишь одно из проявлений той большой работы, которая проводится сейчас болгарскими языковедами в этом направлении. Сборник состоит из восьми статей по общему языкознанию, большинство из которых, как указано в «Предисловии», было прочитано в виде докладов и обсуждено в Институте болгарского языка Болгарской Академии наук в период с сентября 1950 по март 1951 г.

Сборник открывается статьей проф. Стойко Стойкова «Язык и общество», далее следуют статьи проф. Любомира Андрейчина «К вопросу об отношении между языком и мышлением», члена-корр. Кирилла Мирчева «Развитие языка», члена-корр. Ивана Лекова «Внутренние законы языка», акад. Владимира Георгиева «Сравнительно-исторический метод и четырехэлементный анализ Марра», акад. Стефана Младенова «Морфологическая и генеалогическая классификация языков в связи с изучением индоевропейских и урало-алтайских языков», акад. Стояна Романского «Скрещивание языков» и члена-корр. Цветана Тодорова «Проблема этнических и лингвистических единств».

Как видно из приведенного перечня статей, в сборнике довольно широко представлены важнейшие проблемы сталинского учения о языке. К сожалению, в нем нет специальных статей, посвященных вопросам основного словарного фонда и словарного состава языка, вопросу специфики грамматики и ее отношению к лексике, хотя эти темы ждут своей разработки на конкретном материале различных языков, в том числе на материале болгарского языка, и было бы очень хорошо, если бы они нашли свое отражение в рецензируемом сборнике. Лишь попутно затрагиваются (в статье Тодорова и, в меньшей мере, в статьях Стойкова и Мирчева) вопросы становления и развития национальных языков, причем — без достаточного привлечения конкретного материала из истории болгарского языка, что было бы особенно интересно. Наиболее широко в сборнике оказались представленными вопросы сравнительно-исторического метода и языкового родства. Кроме обстоятельной, охватывающей четыре печатных листа статьи Вл. Георгиева, эти вопросы рассматриваются еще в двух других статьях — Ст. Младенова и Цв. Тодорова.

В интересной статье Вл. Георгиева подробно, с большим количеством примеров, излагаются основы сравнительно-исторического метода и рассматриваются некоторые его недостатки. Автор разбирает попытки использования сравнительно-исторического метода, представленные в ранних работах Н. Я. Марра (например, его стремление доказать родство грузинского языка с семитическими и грузинского с армянским, а также обосновать кавказские этимологии, предлагавшиеся им для ряда слов разных индоевропейских языков). Автор убедительно показывает неумение Марра правильно пользоваться сравнительно-историческим методом, которое привело последнего в конце концов к полному отрицанию этого метода и к пресловутому «четыреэлементному анализу». «Его ярость против индоевропейского языкознания, — пишет Георгиев, — растет со временем все больше и больше, поскольку научные методы в языкознании, выработанные главным образом индоевропейцами, мешают его фантастическим утверждениям. „Разгром индоевропейистики“ становится навязчивой

¹ См. «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 122—128.

идеям Марра, и под конец своей жизни он объявляет себя марксистом, а индоевропейское языкознание — „буржуазной наукой“ (стр. 134).

В заключение Вл. Георгиев высказывает свой взгляд на понятия «праязык» и «прародина». По его мнению, говоря, что теория «праязыка» не имеет никакого отношения к изучению языкового родства, И. В. Сталин имеет в виду теорию о существовании в прошлом единого праязыка, общего для всего человечества, а также и расистскую теорию «индогерманского праязыка», полностью противоречащую всем данным науки. Совершенно другое дело — «праязык» как понятие сравнительно-исторического языкознания: «определенная в отношении и места и времени ступень в развитии данной группы родственных языков» (стр. 129), «язык одного племени или группы племен, из которого позже развиваются языки данной группы народов» (стр. 131). Вл. Георгиев считает, что термины «язык-основа», «язык-источник» и т. п. «не являются более удачными», чем термин «праязык» (стр. 129). «Понятие прародина, — пишет он далее, — так же ограничено во времени, как и понятие „праязык“» (стр. 130). Прародина — территория, на которой в определенную эпоху говорили на данном праязыке. Однако понятие «пранарод» — неправильное, немарксистское понятие, поскольку при первобытно-общинном строе еще нет народов, а есть племена и группы племен и поскольку, например, «романские народы» (т. е. народы, говорящие на романских языках) не являются физическими потомками римлян. Наконец, автор высказывает свое мнение по вопросу о времени существования некоторых праязыков. Праязыки славянской, германской, кельтской группы существовали, по его мнению, 25—35 веков назад, индоевропейский праязык — приблизительно 70—80 веков назад.

Наиболее серьезным недостатком статьи Вл. Георгиева представляется нам то, что автор недостаточно подчеркнул указание И. В. Сталина, что изучение языкового родства «...могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»². Дело в том, что это историческое указание товарища Сталина по-новому освещает вопрос о целях и задачах исследования родства языков: исследование это должно проводиться не только с целью реконструкции тех или иных праязыков, но также с целью гипотетического восстановления каких-то фактов древнейшей истории родственных языков (эта задача, стоявшая в центре внимания старого языкознания, разумеется, не снимается), но — и это самое важное — с целью выяснения общих закономерностей развития этих языков и, шире, законов развития языка вообще. Речь, следовательно, идет о том, что сравнительное изучение родственных языков должно подняться над эмпиризмом конкретных реконструкций, перейти к более широким общим выводам и заключениям, к выявлению законов (что, конечно, невозможно без знания фактов). Не подчеркнув приведенного сталинского положения, автор, естественно, не смог показать отличия нового понимания задач сравнительной грамматики — понимания, основанного на сталинских трудах по языкознанию, от того понимания, которое существовало прежде.

В связи с этим Вл. Георгиев недостаточно полно осветил вопрос о серьезных недостатках сравнительно-исторического метода. Он вовсе не касается проблемы достоверности относительной хронологии, устанавливаемой сравнительно-историческим методом (не говоря уже об абсолютной хронологии изучаемых процессов), а это органически связано и с пониманием степени достоверности самой реконструкции как отдельных архетипов, так и, в особенности, языка-основы как целого, как синхронно существовавшей системы. Повидимому, степень достоверности реконструкции системы языка-основы является значительно меньшей, чем степень достоверности реконструкции отдельных фактов. Именно это обстоятельство имеют в виду ученые, предпочитающие пользоваться термином «язык-основа».

В статье С. т. М л а д е н о в а дается резкая и, на наш взгляд, в целом справедливая оценка так называемой морфологической классификации языков, которая, как говорит автор, «лишь сковывала научное исследование» (стр. 141) и «в настоящее время не имеет никакой научной ценности» (стр. 139). Единственно правильной и научной классификацией языков автор считает генеалогическую классификацию, но настаивает при этом, развивая свои давнишние взгляды³, на исконном родстве индоевропейских языков с урало-алтайскими и даже вообще на положении об изначальном родстве всех человеческих языков между собою, что, как он пишет, «полностью согласуется с антропологическим монотенизмом» (стр. 154). Впрочем, лингвистические доказательства, приводимые акад. Младеновым в подтверждение этого тезиса, остаются попрежнему недостаточно убедительными.

В обширной статье Ц. в. Т о д о р о в а содержится обстоятельная критика различных теорий, выдвинутых в сравнительно недавнее время для объяснения происхождения языкового родства (в частности, «теории контакта» Д. В. Бубриха и «теории первоначальной лингвистической непрерывности» С. П. Толстова) и вообще касаю-

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 34.

³ Ср. С. т. М л а д е н о в, Увод во всеобщего езигознание. 2-е изд., София, 1943, особенно раздел «Единство на човешкия род откъм език».

ащихся вопроса о языковых отношениях в эпоху родовых и племенных языков. Автор, в частности, считает, что в древнейшую пору включение каких-либо иноязычных племен в состав племенных союзов было невозможно. Он возражает также против некоторых положений, высказанных Б. В. Горнунгом, относительно территории формирования индоевропейского языкового ядра. Он утверждает, что Средняя Европа из рассмотрения исключается, что эту территорию «следует искать на восток от Днепра в степной и лесостепной полосе Евразии» (стр. 195). В отличие от Вл. Георгиева автор пользуется термином «праязык», как он говорит, «условно», хотя и не раскрывает, в чем, собственно говоря, заключается, по его мнению, условность этого термина.

К рассмотренным трем статьям в известном смысле примыкает и статья акад. Ст. Р. о ма н с к о г о о скрещивании языков, к сожалению, слишком краткая (всего 5 страниц) и конспективная. Общеизвестно, что в болгарском языке и, в частности, в его грамматическом строе установлено наличие ряда специфических особенностей, общих у него с географически соседящими языками — румынским, албанским и новогреческим. Эти особенности, так называемые «балканизмы» болгарского языка и других языков балканского полуострова, многие ученые объясняют скрещиванием данных языков с языком древнего (фракийского) населения полуострова, выдвигая теорию «фракийского субстрата». Автор отрицательно относится к этой теории и, критикуя ее, пишет, в частности, следующее: «О влиянии субстрата при объяснении той или иной особенности того или иного языка говорят обыкновенно тогда, когда о языке, на который указывают, как на „субстрат“, ничего определенного не известно. Что знаем мы, например, о фракийском языке, о его грамматике? Кто может сказать и как можно доказать, что фракийский язык обладал постпозитивным членом, что он был аналитическим языком без склонения и без инфинитива? Единственный письменный памятник фракийского языка, состоящий всего из нескольких слов, — надпись на перстне, найденном в с. Езерово вблизи Пловдива, — даже не прочитан удовлетворительно, а о слове этого языка приходится судить по нескольким глоссам у античных авторов или по собственным и местным именам. Неправильно было бы также думать, что, поскольку в данном случае есть какие-то особенности, одинаковые в языках, на которых говорят там, где говорили когда-то на фракийском языке, то он, как их „субстрат“, непременно должен был иметь эти особенности. Те ученые, которые стремятся объяснить развитие постпозитивного члена, разрушение склонения и утрату инфинитива в болгарском языке как наследие фракийского „субстрата“, забывают, что, если бы это было так, эти особенности должны были бы развиваться еще в древнеболгарском (IX—X вв.), а они развились лишь в XIV—XV вв., то-есть спустя шесть-семь веков после исчезновения фракийского языка: последнее свидетельство о существовании фракийцев... относится к VI в.» (стр. 161).

Подвергнув теорию фракийского субстрата суровой и, надо сказать, совершенно справедливой критике, автор, к сожалению, не пытается выдвинуть взамен какое-то другое толкование проблемы «балканизмов», хотя и признает, что «балканизмы» представляют собою «важное явление, связанное с вопросом о смешивании, скрещивании языков» (стр. 160). Думается, что читатель был бы вправе ждать от статьи акад. Романского более подробного и конкретного разбора, в свете сталинского учения о скрещивании языков, всей проблемы «балканизмов», ждать хотя бы попытки положительного решения вопроса о происхождении этих общих особенностей в четырех географически соседящих языках, относящихся к четырем разным ветвям индоевропейской семьи. В частности, нам представляется, что уже теперь возможен и необходим дифференцированный подход к разным «балканизмам». Например, вопрос о происхождении постпозитивного члена можно было и следовало ставить иначе, чем, скажем, вопрос о конструкциях, служащих для замены инфинитива.

Несколько иначе, но тоже недостаточно конкретно касается вопроса о «балканизмах» К. М и р ч е в. «Особенная судьба именной системы в болгарском языке, — пишет он, — не может быть оторвана от специфической атмосферы, общей для всех балканских языков. Здесь определенно сыграли роль как влияния, идущие от субстрата, так и отражения многовековых, сложных и очень глубоких взаимных связей между всеми балканскими народами» (стр. 43).

Из остальных статей сборника наиболее целесообразно остановиться на статьях Л. Андрейчина и И. Лекова. Интересная статья Л. А н д р е й ч и н а посвящена сложному вопросу о взаимоотношениях между языком и мышлением. Отметим, что идеалисты отрывали мышление от языка, и подвергнув критике ошибки Н. Я. Марра в этом вопросе, Л. Андрейчин подчеркивает диалектическое единство языка и мышления, причем указывает, что как язык, так и мышление имеют свою отдельную специфику (чего как раз не понимал Н. Я. Марр) и проявляют относительно самостоятельность в своем развитии (ср. изменения значения слов, отражающие определенные процессы в содержании понятий, но не связанные с изменением звуковой формы этих слов, и, наоборот, звуковые изменения, не связанные с изменением значения). Затем автор рассматривает вопрос, можно ли считать, что отношение мышления и языка есть отношение содержания и формы, и приходит к выводу, что подобная формула является неточной и

не может быть принята без существенных оговорок. Дело в том, что язык, по мнению автора, есть нечто большее, чем только форма мышления. Он — материально существующее явление. Вместе с тем сам язык представляет собой определенное единство смысловой и формальной стороны, и «слова могут служить оболочкой для мысли не механически, а в качестве значущих элементов, чье строение находится в прямой или исторической зависимости от определенного смыслового содержания» (стр. 27).

Переходя к вопросу о так называемой знаковой теории в языкознании, автор пишет: «Поскольку эта теория рассматривает как знак целое слово вместе с его значением, как это делает Ф. де Соссюр, она должна быть отброшена как проявление агностицизма: в противоречии с ленинской теорией отражения смысловая сторона слов рассматривается в этом случае не как отражение действительности, а только как знак действительности. Однако, когда мы берем слово в его специфическом составе и строении, мы не можем не различать в нем материальной стороны (звукового материала, звуковой формы) и семантической стороны (смыслового содержания, понятия). В этом случае уместно и правильно рассматривать материальную сторону слова как знак, а смысловую сторону — как обозначаемое содержание или значение, которое является отражением действительности» (стр. 30). И здесь же автор подчеркивает, что между знаком и значением всегда существует определенная историческая связь.

Далее проф. Андрейчин разбирает вопрос о соотношении смыслового и формального критерия при грамматическом исследовании и выдвигает «синтетический критерий, который начинается с формального анализа языкового материала, но принимает во внимание и смысловую сторону» (стр. 31); эту методику исследования он иллюстрирует примерами анализа некоторых явлений из грамматики болгарского языка.

Статья Л. Андрейчина вызывает лишь отдельные критические замечания. Автор пишет, что не всегда для выражения того или иного мыслительного содержания создается новая грамматическая форма, что во многих случаях «можно прибегнуть к описательному выражению» (стр. 34). Таким образом, «описательное выражение» как-то противопоставляется «грамматической форме». Но дело в том, что под «описательным выражением» можно понимать разные вещи. Есть описательные выражения, так сказать, нестандартизованные, «окаzionaliальные», создаваемые в процессе речи *ad hoc*, и они, естественно, не могут быть включены в понятие грамматических форм языка. Но есть описательные выражения (например, выражение некоторых временных, модальных, залоговых значений) стандартизованные, воспроизводимые по определенному шаблону применительно к самому разному лексическому материалу. В этих случаях мы уже имеем известную абстракцию от частного и конкретного и, следовательно, можем говорить о рождении своеобразной грамматической формы. В этом вопросе желательно было бы некоторое уточнение позиций автора, тем более, что проф. Андрейчин является тонким мастером грамматического анализа.

Второе замечание касается вопроса о происхождении так называемых пересказывательных форм болгарского глагола (служащих для выражения действий, лично не наблюдаемых говорящим, а передаваемых с чужих слов). Продолжая традицию, начатую еще Б. Цоневым⁴, автор считает, что эта особенность болгарского языка связана с турецким влиянием, причем наибольшее значение он придает отсутствию в пересказывательных формах вспомогательного глагола в 3-м лице обоих чисел, в связи с чем возникает полный формальный параллелизм с равнозначными турецкими формами на *-miş*. Между тем вспомогательный глагол может отсутствовать в 3-м лице и в обыкновенном болгарском (по происхождению — общеславянском) перфекте, как отмечает сам автор в другой своей работе⁵. Решающим же на наш взгляд является здесь то, что сам болгарский перфект, в силу присущего ему значения, обладал тенденцией к некоторой неопределенности (тенденцией выражать прошедшее действие, свидетелем которого говорящий мог не быть, о котором он судит по результатам, следам и т. д.). Подобная тенденция присуща в той или иной степени и перфекту многих других языков (она органически связана с результативностью перфекта). Все это должно быть учтено при решении вопроса о происхождении болгарских пересказывательных форм, хотя мы и не отрицаем, что в условиях широко распространенного в прошлом во многих районах Восточной Болгарии двуязычия турецкая модель могла сыграть известную роль в процессе оформления данной грамматической категории болгарского языка.

Одной из менее удачных статей сборника представляется нам статья И. Л е к о в а. Статья посвящена очень важной проблеме языкознания — проблеме внутренних законов развития языка — и содержит немало конкретного материала, главным образом из истории славянских языков. Но автору не хватает четкости определений, и в ряде случаев читатель остается в недоумении. Недоумение вызывает уже то, почему автор все время говорит о «внутренних законах языка» и не говорит о внутрен-

⁴ См. Б. Ц о н е в, История на български език, т. III, София, 1937, стр. 106.

⁵ См. Л. А н д р е й ч и н, Грамматика болгарского языка, перевод В. В. Бородин, М., 1949, стр. 178 (§ 262, б).

них законах развития языка. Что это — просто для краткости? Или же здесь различие по существу? Ведь в сталинской постановке вопроса о внутренних законах развития языка указание на момент развития очень важно. «Внутренние законы развития конкретного языка — это законы его динамики, его количественных и качественных изменений, его перехода от одного качества к другому»⁶. Ряд советских ученых настаивает сейчас, как известно, на разграничении понятий «внутренние законы развития языка» и «законы или правила функционирования языка в системе». Те и другие тесно связаны между собой, но вовсе не тождественны. Что же имеет в виду своей формулировкой И. Леков? Не получается ли вообще при его формулировке, что вся специфика сталинской постановки вопроса несколько стирается, остается в тени?

Нам представляется также, что автор слишком расширил и сделал расплывчатым свое понимание внутренних законов. На стр. 55 он стремится разграничить понятие закона и тенденции, указывая, что тенденция есть «первая степень развития»: она еще не обладает регулярностью закона и может и не превратиться в закон (примером тенденции Леков считает переход *жс > р* в сербо-хорватском языке). Но в других местах автор сам стирает это различие, поскольку в числе законов оказываются у него даже такие по существу своему спорадические явления, как гаплоглогия (*знаменосец* вм. *анаменоносец*), создание «гиперлитературных форм» (болг. нелитер. *хриба* вм. *риба* как противодействие диалектной тенденции к отпадению начального *х*) и многое другое.

С одной стороны, автор очень дробит внутренние законы, а с другой — универсализирует их таким образом, что полностью утрачивается их национальная специфика. Так, среди «грамматических внутренних законов» он на первом месте называет аналогию, но аналогия действует в самых разных языках и в самых разных категориях: все дело здесь именно в специфических различиях между отдельными языками, в конкретном направлении и характере аналогических процессов. Вряд ли в данном случае может удовлетворить ссылка на универсальный «закон аналогии».

Возражения вызывают и отдельные примеры и формулировки автора. Так, вряд ли стоило солидаризироваться с мнением, будто отсутствие связи в русском языке в предложениях вроде *он профессор* объясняется влиянием литовского и латышского языков (стр. 53), или утверждать, что установление фиксированного ударения в западнославянских языках произошло «в согласии с западноевропейской тенденцией к стабилизации ударения» (стр. 57). Отдельные неточности формулировок есть и в других статьях. Так, в статье Ст. Стойкова, в основных своих положениях не вызывающей каких-либо возражений, в одном месте допущена формулировка, которая несколько преуменьшает значение различий между местными диалектами одного языка в вопросах грамматического строя и основного словарного фонда (см. стр. 14—15), а в другом месте без кавычек говорится о «языке болгарского сапожника», в то время как имеется в виду лишь специальная терминология сапожного дела. В сборнике встречаются досадные опечатки, в частности в примерах.

В целом, несмотря на отдельные отмеченные здесь недочеты, сборник представляет большой интерес и несомненную ценность. Он свидетельствует о том, что языковеды народно-демократической Болгарии серьезно работают над вопросами общего языкознания, черпая творческие импульсы и руководящие указания из животворного родника сталинских идей.

Ю. С. Маслов

⁶ В. В. Виноградов, Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 35.